

Алексей Ильич Чириков

Воспитанник Морской Академии, лучший ученик ее первого выпуска, в составе которого значились такие известные впоследствии офицеры русского флота, как С. Малыгин, А. Нагаев, Д. Лаптев и другие, Алексей Ильич Чириков при выпуске по распоряжению Петра I, присутствовавшего на экзаменах, был произведен сразу в унтер-лейтенанты (второй офицерский чин тогдашнего флота). После трех лет практического плавания на кораблях Балтийского флота он вернулся обратно в Морскую Академию, но уже в качестве преподавателя - таково было решение Адмиралтейств-коллегий.

«Сентября 18, 1742 года, по доношению лейб-гвардии капитана Казанского, в Кронштадт к командующему флагману послать указ, которым велеть морского флота унтер-лейтенантов Алексея Чирикова и Алексея Нагаева для определения в Академию, к обучению гардемарин, прислать в Коллегию без умедления". Об успехах Чирикова на педагогическом поприще говорит постановление Адмиралтейств-коллегий о производстве, которое утвердил Петр I незадолго до назначения Чирикова в Первую Камчатскую экспедицию. Представляя Петру свое решение о внеочередном присвоении Чирикову звания лейтенанта, Адмиралтейств-коллегия указывала на педагогические способности Чирикова и отличное знание им теории военно-морского дела. В частности, в постановлении Адмиралтейств-коллегий были приведены отзывы авторитетных на флоте офицеров - контр-адмирала Сандерса и гвардии капитана Козинского. Оба офицера считали Чирикова лучшим воспитателем будущих командиров флота.

Эти отзывы и постановление Адмиралтейств-коллегий снова обратили внимание Петра I на талантливого моряка и сыграли немаловажную роль при обсуждении кандидатур офицеров, намечавшихся в Первую Камчатскую экспедицию. Отвечая Петру на его вопросы в связи с организацией исторического похода, Адмиралтейств-коллегия рекомендовала назначить Чирикова помощником начальника экспедиции.

Всей своей жизнью Алексей Ильич Чириков доказал, что Адмиралтейств-коллегия не ошиблась, направив его на тернистую дорогу моряка-исследователя. С 1725 года почти до самой смерти деятельность Чирикова [а посвящена решению государственной проблемы отыскания и освоения морских путей у дальневосточных границ нашей страны.

Назначенный с одобрения Петра в Первую Камчатскую экспедицию вторым помощником Беринга (первым считался Шпанберг - человек в русском флоте случайный и ничем, кроме жестокого обращения с подчиненными, не выделявшийся), Чириков в самый решительный момент экспедиции проявил себя как истинный исследователь и верный долгу исполнительный морской офицер. На долю моряков "Св. апостола Павла" выпали такие же трудности, как и на долю экипажа "Св. апостола Петра", которым командовал Беринг. Но Чириков не поколебался ни разу. В точности исполняя инструкцию Адмиралтейств-коллегий, он вел пакетбот на восток. И одержал победу.

Вполне закономерно, что уверенность Чирикова в правильности курса, отстаиваемого им на совещании и взятого после прекращения поисков флагманского корабля, гарантировала успех плавания пакетбота "Св. апостол Павел" сквозь те самые непогоды, которые принесли гибель Берингу.

Найденный в секретных архивах и впервые полностью опубликованный в 1941 году* в сборнике документов "Экспедиция Беринга" подлинный рапорт Чирикова подтвердил первенство моряков пакетбота "Св. апо-отол Павел" в открытии северо-западных берегов Америки и объяснил, ю чему Чирикову удалось достигнуть американского материка раньше Беринга на одиннадцать градусов севернее и провести возле материкового побережья не десять часов, как Беринг, а десять суток. Дело было не в благоприятных обстоятельствах или в счастливом случае, на что обычно ссылались историографы, сопоставляя результаты Похода обоих кораблей. Только полная уверенность в своей правоте, железная воля исследователя, сознание долга и превосходное знание навигации позволили А. И. Чирикову и его спутникам выполнить в самых тяжелых условиях все, что поручила морякам Адмиралтейств-коллегия "не без надежды в той экспедиции доброго плода". Впервые о рапорте Чирикова упомянуто в "Морском Сборнике" № 5 за 1893 год.

Осмотрев побережье американского материка и пройдя вдоль него 400 километров к северу, Чириков был вынужден значительно раньше, чем предполагал, повернуть корабль в обратный путь через океан. Произошло несчастье. Две группы моряков, отправленные Чириковым на берег (одна во главе со штурманом Дементьевым, вторая во главе с боцманом Савельевым), пропали без вести. Установить причину их исчезновения было невозможно, так как вместе с ними пропали обе шлюпки, а подойти вплотную к берегу корабль не мог. Исчезновение пятнадцати человек и потеря гребных судов сразу ухудшили положение экипажа.

У моряков не оказалось никаких средств для связи с берегом, хотя бы для того, чтобы пополнить запасы пресной воды. И все же Чириков вел пакетбот и составлял карту побережья американского материка до тех пор, пока позволяли обстоятельства. Он повернул пакетбот обратно к Петропавловской гавани только из-за недостатка воды и провизии, но повел корабль иным курсом, рассчитывая встретить на пути новые земли. И этот достойный истинного исследователя поступок вполне оправдал себя. Выбор нового курса для обратного перехода через океан дал возможность участникам экспедиции открыть ряд островов Алеутской гряды (Умнак, Адах, Агатту и Атту). Тяжелейшие испытания выпали Чирикову и его спутникам на обратном пути, однако глубокие навигационные познания и уверенность в правильности курса позволили морякам "Св. апостола Павла" успешно завершить свое историческое плавание, причем оно закончилось на месяц быстрее, нежели поход "Св. апостола Петра" от Америки до Командорских островов, находящихся в трехстах милях к северо-востоку от Камчатки.

Вот выдержки из документа, подписанного Чириковым 7 декабря 1741 года: "...Июля 15 числа, перешел от устья Авачинской губы к востоку расстоянием на румб остен-норден 2178 минут или миль италийских, а русских верст, которых заключается в градусе по сту по четыре версты с половиною - 3793, в северной широте в 55гр. 36мн. получили землю, которую признаваем без сомнения, что она часть Америки... А как ооная земля простирается, явствуют по журналу пеленга и плавание наше в параллель оной, а наиявственнее при сем карта... При окончании 26 числа июля дошли до ширины северной 58 градусов и 21 минута... Иво оном месте в начале 27 числа... понеже у нас при пакетботе не осталось ни одного малого судна и для надлежащего разведывания посылать на берег стало не на чем, также и получить в приба-1 вок воды к пропитанию своему не на чем же. Того ради, согласно со *; мною, лейтенант Чихачев, штурман в ранге флота лейтенанта Плаутин, штурман Иван Елагин положили... сего числа возвратиться... ...Августа 21 числа, усмотря, что долго стоят ветры нам противчые, приказал я варить... два дня по одной каше, а токмо в третий день ее каши и для питья давать воду каждому человеку мерою, которою логли токмо жажду утолять... в дождливые дни служители собирали пекущую воду с парусов, которая вкусом от примешания с снастей, смолы и горька... А понеже ветры противные весьма продолжались, тогда приказал я, дабы людям через день давать по одной каше... Ас 14 сентября принужден был приказать варить и давать людям в неделю токмо одну кашу... пришла на многих болезнь цынготная, и с великим трудом офицеры по должности своей управление, а рядовые работы исправляли, а некоторые уже совершенно слегли и наверх не выходили. ..., а которые и ходили, то уже через силу должное им исправляли; и с 16 числа сего месяца по возврат наш в гавань умерло шесть человек... октября бумер лейтенант Иван Чихачев: тако ж октября 8 штурман в ранге флотского лейтенанта Михаила Плаутин. А за болезнями своими вахт уже не содержали до кончины своей Чихачев за три, а Плаутин за две недели. В то же время и я весьма от цынги изнемог и уже по обычаю был приготовлен к смерти, а наверх не мог выходить сентября с 21 числа и по самый наш возврат в гавань... в управлении судном остался один штурман Иван Елагин, да и тот был весьма ж болен, но по крайней возможности преодолевал свою немощь, почти несходно был для управления наверху, которому от меня только вспоможения было, что, смотря счисления по журналу пути нашего, приказывал ему, какой иметь курс... Октября 8 числа в 7 часу пополуночи увидели камчатскую землю, а 10 числа пополудни в 9 часу вошли в Авачинскую заливу и легли на якорь, причем уже имевшуюся пресную воду всю издержали, только остались две бочки, которую выгнали из морской воды через котлы огнем... 12 числа пришли в здешнюю святых апостол Петра и Павла гавань. А господин капитан-командор и по нижесписанное число, еще не возвратился..."

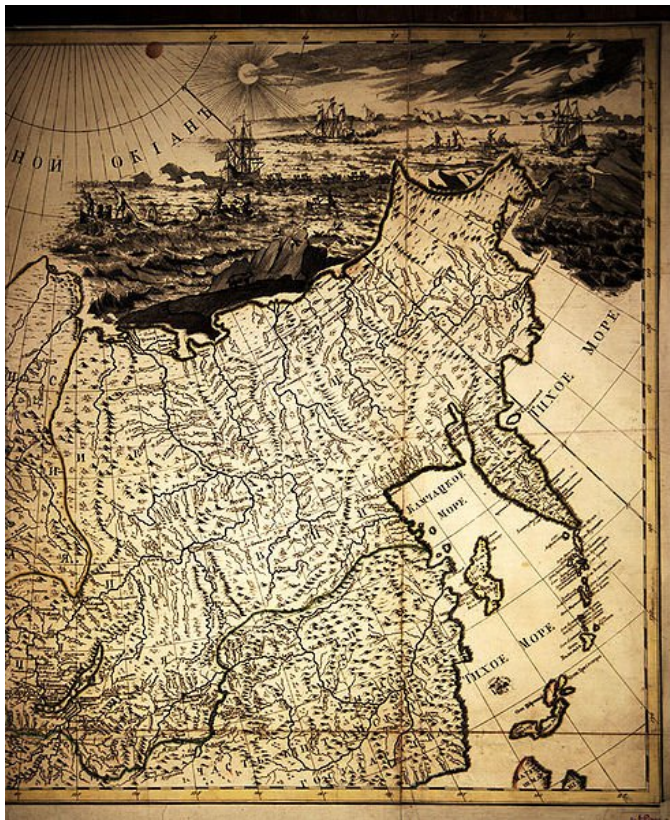

Эти выдержки, а тем более полный текст обстоятельного и содержательного рапорта, пролежавшего в течение двухсот лет под спудом в секретных архивах, дают ясное представление о том, какой ценой достался морякам пакетбота "Св. апостол Павел"

успех их исторического похода.

Рапорт свидетельствует о многом, достойном восхищения: о правильном расчете и отличных навигационных познаниях самого Чирикова и подчиненных ему офицеров; о качествах настоящих исследователей, которыми обладали моряки пакетбота - упорстве, терпении и дисциплине во имя долга; о мужественном преодолении экипажем неслыханных трудностей в течение ста двадцати восьми дней непрерывного плавания под парусами; о героической выдержке всех участников похода, исполнявших свои обязанности даже в условиях такого ужасного испытания, как постоянная, более полутора месяцев изо дня в день, жажда, с которой не может сравниться и голод. Все преодолел русский человек.

Не слепому случаю, а замечательным качествам русских людей был обязан Алексей Ильич Чириков своим успешным походом. Именно глубокой верой его в моряков "Св. апостола Павла" объясняется то, что он с одним лишь офицером-штурманом Елагиным и сорока семью служителями (матросами) вместо семидесяти, переждав зиму в Петропавловской гавани, отважился на второй поход через океан к берегам Америки. Измученный цингой и чахоткой, он в 1742 году снова повел свой пакетбот на восток и снова достиг Алеутской гряды (острова Атту).

Крайняя изнуренность экипажа вынудила Чирикова прервать повторное плавание и поиски Беринга. Взяв обратный курс, он повел пакетбот к Авачинской губе, прошел с юга на расстоянии видимости мимо Командорских островов, не предполагая, что на одном из них бедствуют моряки флагманского корабля, и вновь благополучно возвратился в Петропавловск-Камчатский.

Чсть рапортовать о выполнении задач, возложенных на экспедицию, по праву досталась тому, от кого Адмиралтейств-коллегия ждала "доброе плод": просвещенному мореплавателю, смелому новатору, самоотверженно выполнившему

до конца свой долг исследователя.

Таким справедливо прослыл капитан-командор Алексей Ильич Чириков среди современников, таким вошел он в историю нашей страны.

Чириков пережил Беринга на восемь лет. Цынга, которой заболел он на обратном пути из Америки в Петропавловск-Камчатский, пагубно отразилась на его здоровье. Поэтому Чириков послал на имя императрицы Елизаветы еще из Енисейска (где некоторое время жил после окончания работ экспедиции) ходатайство об увольнении в отставку по болезни или о переводе в Петербург "к делам таким, которые бы он по слабости здоровья своего несть мог".

Содержащее эти строки, официально пересказывающее их постановление Адмиралтейств-коллегии, найденное историком В. Верхом среди бумаг адмирала Нагаева, школьного товарища Чирикова, документально подтверждает тот факт, что ходатайство мореплавателя было удовлетворено и он был вызван в Петербург. В постановлении, адресованном Нагаеву, было сказано: "...И сего апреля 18 дня /1746 года)... Адмиралтейств-коллегия определила: означенному Чирикову, доколе флот капитанами укомплектуется, быть здесь и определить его в присутствие в Академическую Экспедицию к смотрению над школами на месте вашем; для того вам с ним, Чириковым, учинить смену... а о том же к капитану Чирикову, и для ведома в Кронштадт указы посланы, и в Экспедицию Академии и школ сообщено..." Назначенный вместо Нагаева начальником всех учебных заведений флота, произведенный в капитан-командоры, Чириков, однако, недолго пробыл в Петербурге. Здоровье мореплавателя продолжало ухудшаться.

Для него был не годен климат прибалтийских мест. Пытаясь спасти измученного многолетними лишениями капитан-командора, Адмиралтейств-коллегия перевела его в Москву на должность уполномоченного по делам флота. К сожалению, перемена климата уже не могла помочь иному, и он в 1748 году "на страстной неделе" скончался "по крайней слабости здоровья своего, расстроенного чахоткою и цинготною болезнью-", как сказано было в статье, посвященной Чирикову в "Ежемесячных-сочинениях", вышедших тогда в Петербурге.

Именем Чирикова назван ряд мест в северной части Тихого океана (мыс Чирикова у входа в Тауйскую губу на Охотском море, остров Чириова в заливе Аляска, мыс Чирикова на острове Атту в Алеутской гряде и др.). Эти названия, сохранившиеся до наших дней, подтверждают сказанное о Чирикове участником экспедиции историографом Миллером: "Память его у всех... в забвение не придет".